

Светлана АСТРЕЦОВА - поэт, художник, журналист. Член Союза журналистов Москвы и Международной гильдии писателей. Лауреат международных литературных и телевизионных конкурсов. В настоящий момент – собственный корреспондент Дирекции информационных программ телеканала «Россия-Культура», внештатный автор отдела «Культура» газеты «Московский Комсомолец».

ГАЛАТЕЯ

*Отраднo спать, отрадней камнем быть...
Прошу, молчи, не смей меня будить.
Микеланджело Буонарроти*

Рассеченные силой слога
Рубцевались уста на коже.
В слуховые проемы окон
Опротечиво окрик брошен:

Молоточки о наковальни
Застучали. Промчались разом,
Как мазурки по залам бальным,
От завески до зева спазмы.

Обращая глазницы в топи,
Жар пудовый валил из цеха.
Под нервюрной системой ребер
Разошлись два огромных меха.

Напоенные кровью алой
Вены уголь носили в сердце.
Скульптор, мрамор сохранней в скалах,
Возврати мне мое бессмертье!

И покамест возносит череп
Исполин позвоночностолпый,
Виртуоз, беззаконник, гений,
Грудь громадам разъявший, проклят!

ОРФЕЙ

*Посвящается одноименному фильму
Жана Кокто*

«Харон!» - я кликнул перевозчика
И выспросил о плате жестами.
И трехголовое чудовище
Я усыпил игрой божественной.

Огнём и ужасом охваченный,
Измучен жаждою танталовой,
Я отворил ворота мрачные
И провалился в зал опаловый.

Я шёл над безднами бесплодными,
Как сень развесистой смоковницы;
В просвете меж двумя колоннами
Стояла тень моей любовницы.

Орфею в города аидовы
Немыслимо спуститься крадучись,
Сажает Смерть меня со свитою
Своей отведать ужин праздничный.

Нет, ни единый плод не выношен
Без высшего на то согласия.
В тысячелетие единожды
Идёт из города оказия.

Вернувшись к вечеру с повинной,
Потёмки терлись у порога.
Гроза затейливой лепниной
Легла на Рим высоколобый.

Оранжерея, зев ощеря,
Сырой туман вдыхала хрипло.
Тянулись острова на север,
Играя рукавами Тибра.

САМСОН

Беззубый ненасытный зев
Являли две его глазницы.
Над переносицей вели
Чудовища противоборство.

Обняв опоры, исполин
На стол менялы и блудницы
Низринул кровлю с высоты
Нечеловеческого роста.

УТРО 24 АВГУСТА 1572³

Подразделяясь на колена,
Слабел хорал. Черты барокко
Гроза носила. Как по венам,
Сбегала кровь по водостокам.

На площадях, в провалах улиц,
В разломах парков, близ камзолов
И рубищ, щурясь и сутулясь,
Садилась траурницы-вдовы.

Священный остров, как облатку,
Передавала Сена сброду.
Собор топорщил франтовато
Клинообразную бородку.

В ГАЛЕРЕЕ ХУДОЖНИКА

Готический чертог над Сеной
Раскинул стрельчатые крылья,
Врастая корневой системой
Подвалов, склепов и хранилищ

В гранитный берег. Вдоль балясин
Меня вели по переходам;
Заворожённый, был согласен
Я вечность взять взамен свободы.

Минуя спады и подъёмы,
Носили чаровниц и фатов -
Хозяин заключил живьём их
В резные ромбы и квадраты.

На карауле – часовые
(Сидели чинно в каждом зале
Красавицы, как псы цепные,
Оскалясь и вода глазами).

На холст, как на помост дворцовый,
Я поднялся, охвачен дрожью.
В своих владеньях замурован
Передо мной стоял художник.

NOTTURNO DI VENEZIA

Как свежая грязь прилипает к колену,
К открытой террасе гондола пристанет.
И вражеский ферзь, ускользя из плена,
Уступчив – сановник пополнил собрание.

В делах и суждениях принц малайзийский
Сметлив; и изыскан, как голос кастрата.
А та, что росла за стеной монастырской,
Вольна опровергнуть исконность догматов.

В то время, как возле оленьего брюха
Сбивается с ног и витийствует челядь,
Седая, в лазоревом платье старуха
Надрывно играет на виолончели.

Хватает купец, обнаружив покражу,
Мальчишку за локоть, отмеченный крепом.
Поспешно соленья несут на продажу
Торговцы; умерших разносят по склепам.

КЛАДБИЩЕ МОНАКО

Ветшает часовня: морщины фасадов
Покрывают розетками – бляшками лепры.
На скалах, вбирая продукты распада,
Растут, как кораллы, фамильные склепы,

Тщеславию запах тщеты замещая,
Турнир затевают (кресты словно копыя):
Чья башенка выше, чей ангел печальней,
Чья гарпия крепче вцепилась в надгробье?

Старинный хорал изрыгают из пастей,
Подняв лебединые шеи, органы.
Как в саван, в туман узловатые пясти
Вонзив, небеса обряжают платаны.

Стихи из цикла «Прогулки по Барселоне»

1. МАГИЧЕСКИЙ ФОНТАН

Мертва, как полая рапана,
На площади лежала чаша.
Десницы заломив, титаны
Баюкали плафон витражный.

Ступени, как места в партере,
Поспешно облепили. Взоры
Метали люди и химеры
Со шпилей Домского собора.

Большая розовая fuga,
Достигнув апогея, чахла,
Когда по узловатым трубам
Органа протянули Баха.

Рядами поднимались маки –
Так на шандалах всходят свечи.
Сады раскинулись, облапя
Террасы каменные плечи.

Среди венецианских башен,
Докучливых, как мысль о смерти,
Помпезно наполнялась чаша
Пунцовым, исторгая Верди.

Солнечный шар факирами
Выпущен из груди.
Глупости верх – манкировать
Городом Гауди.

Двигаться – робко, ощупью.
Плыть, перейдя на брас.
Щёки мощёной площади
Ровный покрыв окрас.

Шлюзы заливы застили.
Парус, раскрывшись, креп.
Яхты, сражаясь, снастями
Древний сложили герб.

«Время – подарок бросовый»,
Сторож разбил цветник
И опечатал розами
Кладбище Монжуик.

Вдовьим ветрам не выклевать
Мёд из могильных сот.
Храм, испещрённый иглами,
Поднял небесный свод.

ТАВЕРНА В ЛЕЙПЦИГЕ

Явившись до срока, я отпер ворота таверны,
Под звуки кларнета цыганка плясала прелестно.
Внезапно и грозно, как праведник четверодневный,
Багровое солнце в оконном проёме воскресло.

Мой спутник болтает с хозяйкой шутливо, по-свойски,
Его разговор исцеляет от старых болезней:
«У золота есть ни одно любопытное свойство –
Способствовать дружбе и делать красавиц любезней».

Немецкие скромницы локоны носят высоко
И крепят гортензии к белым оборкам корсажей.
Фасады домишек выходят на людные стогны,
И полнятся брагой простые глубокие чаши.

Застольные песни начало ведут из Тавриды
С трудом языками ворочают башенки звонниц.
«Во славу и здравие милой сестры Маргариты!»
«За хитрые выдумки наших неверных любовниц!»

Семейство шмелей хоботки погружает в бутоны.
За трапезой пролиты тёплые стройные речи.
Крестьяне стога убирают с полей опылённых,
В тяжёлые шали хозяйка укутала плечи.